

Н О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

В Т О Р А Я

Ф Е В Р А Л Ь

М О С К В А

1 . 9 . 3 . 5

Литература и искусство

1. А. СТАРЧАКОВ — А. П. Чехов. 2. С. ДИНАМОВ — „Король Лир“ Вильяма Шекспира.
3. А. ЛЕБЕДЕВ, М. ЛИСЕНКО, П. СЫСОЕВ — Е. А. Кацман. 4. Письма В. А. СЕРОВА.

1. А. П. ЧЕХОВ

А. Старчаков

(К 75-летию со дня рождения)

I

В феврале 1886 года в «Новом времени» был напечатан рассказ Чехова «Панихида». Автора поздравляли знакомые, друзья. То было первое выступление Чехова в большой печати.

Остались позади времена, когда Чехов в обществе газетчиков, которых он и сам называл жуликами, часами просиживал в передней «Будильника» в ожидании гонорара. «Бывало, я хаживал в «Будильник» за трехрублевой раз по десяти» — жаловался Чехов в письме к Лейкину, редактору петербургских «Осколков». Еще недавно работа у Лейкина казалась своего рода аттестатом. Но теперь уже и Лейкин торопился принести свои поздравления по поводу дебюта в «Новом времени».

У дверей впервые постучалась литературная известность. Не нужно было больше просить извинения за серьезный тон, звучавший в отдельных юмористических рассказах, и с виноватым лицом давать обещания «серьезничать только по большому празднику». Наконец мерещилось материальное благополучие, — Суворин платил по двенадцати копеек за строчку, — сумма невероятная по московским обычаям.

Чехов встретил удачу добродушной, слегка иронической улыбкой. Ни восторженных мечтаний, которым любит предаваться талантливая молодость, ни широких, часто несбыточных планов, обычно сопутствующих успеху. В шуточном письме к брату Михаилу Чехов так рассказывал о своем знакомстве с Сувориным.

«Он очень любезно меня принял и даже подал руку.

— Старайтесь, молодой человек! Я вами доволен. Но только почаще в церковь ходите и не пейте водки... Дыхните...

Я дыхнул... Суворин дал мне денег и сказал:

— Надо беречь деньги... Подтяните брюки...»

Рассказывая брату в шуточном письме о литературной победе, о первой встрече с редактором «Нового времени», Чехов, по всему вероятно, вспоминал Таганрог, бакалейную лавку отца, хозьяйские разговоры.

Когда вскоре после знакомства Чехов предложил Суворину написать рассказ о том, как сын крепостного, молодой человек, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чиновничьих, целовании поповских рук, много раз сеченный, выдавливая из себя по каплям раба, в сущности, он предлагал Суворину написать рассказ о себе, о своей молодости.

Чехов и сам, проклиная судьбу, часами просиживал в промерзлой лавке, наблюдая за молодцами, не раз битыми тяжелой рукой Павла Егоровича. Он и сам был певчим (слабостью отца было церковное и домашнее богослужение). Каждую субботу семья Чеховых отправлялась ко всенощной и по воскресеньям после обедни глава дома, собрав семью перед киотом, читал акафист.

II

Самовлюбленного и болтливого старика Рашевича дочери называют жабой («В усадьбе»).

В рассказе «Отец» старик Мусатов издевается над своими детьми. Но дети терпят и считают своим долгом рабски повиноваться вздорному старику.

«Меня отец порол жестоко» — говорит Иван Дмитриевич в повести «Палата № 6».

В рассказе «Тяжелые люди» мелкий землевладелец Ширяев гнетет сына Петра своей скаредностью.

В повести «Моя жизнь» архитектор Полозов бьет по лицу взрослого сына, давит его своей пошлостью, требует от него рабской покорности установившемуся порядку.

В повести «Три года» мы находим целую обвинительную речь сына, направленную против отца:

«Отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове... Мы должны были ходить к утренней и к ранней обедне, целовать попам и монахам руки, читать дома акафисты».

Как не узнать в этой страстной речи Лаптева исповедь самого писателя?

Целую галерею отцов, выживших из ума, ругающихся над живой жизнью, рукоприкладствующих, находим мы в творчестве Чехова.

Но тупость, пошлость, насилие Чехов принимал с печальной фаталистической улыбкой. Он знал, что живет в азиатской стране, что у него нет родины. В «Палате № 6» Иван Дмитриевич говорит о насилии, попирающем право, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников. Но Чехов называет эти речи «нескладным попури из старых и еще не допетых песен». Люди 60 — 70-х годов носили в своем сердце действительную священную ненависть. Ее не знал Чехов. Он смеялся, иронизировал, иногда даже мечтал о лучшем будущем, утверждая, что Россия живет накануне какого-то великого торжества, что готовится здоровая, сильная буря, которая уже близко и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие и гнилую скуку. Он говорил, что через двести, триста лет жизнь будет невообразимо прекрасна. Но ему и в голову не приходила

возможность поднять руку на мир, где с такой легкостью тиранили, мучили, рукоприкладствовали. Этот мир казался ему чудовищно прочным, незыблемым, устойчивым.

«Революции в России никогда не будет» — писал Чехов в письме к Плещееву.

Потому он встречал иронической улыбкой всякую попытку поколебать существующий порядок. И по поводу студенческих волнений в Москве (молодежь требовала университетской автономии) он писал письма Суворину, глубоко реакционные по своему содержанию. И Павел Егорович, лавочник, с такой щедростью раздававший пощечины, был до конца своих дней окружен почтительными заботами сына. В Мелихове, в небольшом имении, купленном Чеховым уже в годы, когда он был известным писателем, по ночам можно было слышать негромкое и унылое чтение: то Павел Егорович в своей комнате, как годы назад в Таганроге, читал акафист сладчайшему Иисусу и пресвятой богородице.

III

Как многообразна была действительность, получившая отражение в творчестве Чехова!

В крошечном рассказе «Случай из практики» Чехов дает мимолетную, но выразительную картину жизни фабричных. Они живут впроголодь, в нездоровой обстановке, делают плохой ситец и только изредка в кабаке отрезвляются от кошмара, называемого жизнью. Надсмотрщики следят за работой двух тысяч человек, записывают штрафы, ситец продается на восточных рынках. Но счастлив на фабрике только один человек: Христина Дмитриевна, приживалка Ляликовой, владелицы фабрики, самодовольное, сытое и тупое существо.

Где причина бедствия этих людей? Она для Чехова не ясна. Более того, она, по его мнению, неустранима. Улучшение в жизни фабричных рабочих Чехов сравнивает с попыткой врачевать неизлечимую болезнь.

В одном из своих писем к Суворину Чехов говорит о том, что он против об-

щины, что крестьянская община трещит по всем швам, что культура и община — понятия несовместимые. «Кстати сказать, наше всенародное пьянство, глубокое невежество — это общинные грехи» — читаем мы в том же письме.

И, словно желая развернуть этот тезис, Чехов написал повесть «Мужики». С бытом крестьянства он был прекрасно знаком, проживая годами в своем крошечном имении Мелихово, в Серпуховском уезде. Решительно нарушив национальные каноны, Чехов мастерски показал нищую, невежественную, пьяную деревню во всем ее неприглядном виде. Ни тени возвышающего обмана, — перед читателями встает первобытное голодное становище. Здесь обворовывают друг друга, ненавидят, терзают. Здесь страшно жить.

Повесть походила на обвинительную речь, обращенную к тем, кто еще пытался идеализировать деревню. Отдельные отрывки повести по своему построению ничем не отличаются от ораторской речи. «Кто держит кабак и спаивает народ? — Мужик. Кто украл у соседа, поджег, ложно показал на суде за бутылку водки, кто в земских и других собраниях первый ратует против мужиков? — Мужик».

Повесть вызвала оживленные споры. Ее подняли на щит молодые марксисты. Но Михайловский писал, что повесть «Мужики» дурна, что напоминает она черновик, и отрывочные, раздробленные впечатления не позволяют сделать каких-либо общих выводов.

Повесть была страшной картиной распада, одичания общинной деревни. Но напрасно современники искали ответа: с кем же был Чехов? С народниками или с их антагонистами? И если община была плоха, если в ней, по мысли Чехова, было все зло, то где же лежал иной путь? Чехов не мог дать ответа, ибо, по его собственному признанию, «какой-то туман застилал от глаз самое важное». («Новая дача».) И, не умея дать ответа, он иногда возводил свое незнание в принцип, он говорил, что художник не должен быть судьей, но только бесстрастным свидетелем, что задача художника — только ставить вопросы, но не его

дело решать их. Он говорил о том, что пора уже сознаться, что «на этом свете вообще ничего не разберешь, и художнику незначает скрывать от толпы своего незнания». «Если художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед». (А. П. Чехов. Письма. Т. II. Стр. 101—103).

Не давая прямого ответа ни на один вопрос, Чехов с огромной силой воспроизводил унылую и тягостную правду окружающей жизни. Страшны его крестьяне из повести «Мужики», из рассказа «Новая дача». Еще страшнее жизнь мещан, мелких накопителей, вышедших из недр той же деревни и ценою преступления, бешеной эксплуатации, лжи скопивших кое-какие средства. Смертельным приговором, прочитанным кулачеству, разбогатевшему мещанству, звучат такие произведения, как «Убийство», «В овраге», «Бабы». Чтобы не делиться добром, убивают Якова кулак Матвей и его сестра Аглая. Обдаёт кипятком младенца, сына скромной Липы, мещанка Аксинья, только за то, что на младенца был описан надел земли. До убийства доводит нежную, любящую Машеньку сытый, тупой мещанин Матвей Саввич.

Но разве интеллигенция, купечество, чиновничество в изображении Чехова лучше, чище, нравственнее? Лихорадкой стяжания охвачены купцы, инженеры, врачи. Уже за шесть миллионов перевалил капитал купца Лаптева, но ничего не изменилось в его азиатском, темном амбаре, где торгуют аграмантом, тесьмой, булавками. Скупает имения, спекулирует землей инженер Должиков («Три года»), скупают дома врачи Белавин, Ионьч. И среди этого хоровода накопителей, себялюбцев, пошляков бродят одинокие беспомощные мечтатели, бессильные что-либо изменить, что-либо противопоставить миру, где полновластным господином является сытая, хищная пошлость.

Речи чеховских мечтателей о прекрасном будущем напоминают инкрустации: они вправлены в повествование и, орга-

тически не связанные с ним, живут своей обособленной жизнью.

Ученый Ярцев произносит речь, что придет время — и нынешнее положение фабричных рабочих будет казаться нам таким же нелепым, каким теперь кажется крепостное право, когда меняли девок на собак. Но напрасно мы стали бы искать в речи Ярцева хотя бы отдаленный намек на то, какими же путями придет человечество к этим блаженным временам. О небе в алмазах, о грядущем, когда все страдания потонут в милосердии, говорит Соня («Дядя Ваня»). Но и эта речь не связана со всем содержанием пьесы. И беспомощной мечтой звучит речь Ольги из «Трех сестер» о том, что страдания мира перейдут в конце-концов в радость и счастье. Эти речи, эти прекраснотушные мечты, при всей своей искренности ничем не отличаются от монолога стареющего Гаева, обращенного к книжному шкафу: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости!»

IV

Но ведь существовало героическое поколение борцов, которое не только произносило прекраснотушные речи, но мужественно восставало на этот погрязший в стяжательстве и насилии мир. Были люди, не боявшиеся объявить борьбу существующему порядку?

Да, были. Их знал и хорошо помнил Чехов. Но одни сложили головы на эшафоте, другие окончили дни свои в далекой ссылке.

В те годы дальние, глухие
В сердцах царил сон и мгла...
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

Народовольчество, одержав в день 1 марта 1881 года свою самую большую победу, истекало кровью, не поддержанное широким общественным движением, изолированное от народных масс. Рабская капитуляция Тихомирова, члена исполнительного комитета Народной Воли, была знаменем времени. Грань между

народничеством и либерализмом, еще недавно такая четкая, стиралась. Народнически настроенный интеллигент в восьмидесятые годы попрежнему продолжал говорить о великих принципах, но слова его не были связаны с делами. Самые принципы нужны были ему не столько для непосредственной деятельности и борьбы, сколько для оправдания своей неподвижности. В одном из писем Чехова к Плещееву мы находим замечательную характеристику либерального интеллигента восьмидесятых годов. «Эта полинявшая, недеятельная бездарность, узурпирующая шестидесятые годы... Вы бы послушали, как он, во имя шестидесятых годов, которых не понимает, брюзжит на настоящее... Он скупен, как яма, и вреден для тех, кто ему верит, как суслик. Шестидесятые годы — это святое время, и позволить глупым сусликам узурпировать его, значит опшлить его».

Образ идейного банкрота, фразера, пытающегося узурпировать «святое время», как называл шестидесятые годы Чехов, один из самых замечательных образов, созданных писателем.

Доктор Белавин говорит о себе:

«Я сумасшедший, я наивный ребенок, так как все еще верю в правду и справедливость» («Три года»).

Но вера в правду и справедливость не мешала провинциальному стяжателю исподволь скупать дома, наживаться на нищих жильцах.

В рассказе «Соседи» Власич ведет утомительные разговоры об общине, об учреждении сыроварен, разговоры, похожие один на другой, «точно они изготовляются машинным способом». После обеда Власич читает любимой женщине не статьи по переселенческому вопросу и, переживая светлые минуты, пишет восторженные письма в редакции журналов. Но его прекраснотушные, его радикальная фразеология прикрывают бездельность, лень, распушенность; он не замечает, что живет тусклой, бездарной жизнью мелкого разоряющегося поме-

щика, что имение его приведено в полное расстройство, что он по шею в долгу и не сегодня—завтра будет пущен по миру своими кредиторами.

Когда-то был другом Некрасова и Пирогова профессор, знаменитый ученый из повести «Скучная история». Шестидесятник и общественник, он боролся, горел идеалами святого времени. Но на склоне своих дней он неожиданно осознал, что от его веры ничего не осталось, что его прошлое, такое почтенное и славное, разлетелось в прах. Он ловит себя на страшной мысли: у него нет в жизни больше никакой цели, прожитые шестьдесят два года пропали зря.

В «Скучной истории» мы находим сцену, полную глубокого трагизма. Женщина, воспитанная профессором, выросшая у него на руках, обращается к нему за советом, что делать ей дальше в жизни (она потерпела неудачу). И ученый, в прошлом славный шестидесятник, сознает, что у него нет ответа на поставленный вопрос. Женщина рыдает, молит о помощи, называет его отцом, единственным другом. «Ведь вы умны, образованны, долго жили, вы были учителем, говорите же, что мне делать?» Профессор с ужасом ловит себя на мысли, что в эту минуту он счастливее женщины, спрашивающей его о смысле жизни. Свое банкротство, отсутствие общей идеи он заметил в себе уже поздно, на склоне своих дней. Но ведь ей, вопрошающей, предстоит впереди еще долгая жизнь.

В «Рассказе неизвестного человека» тема банкротства, измены поставлена Чеховым уже во всей своей глубине. Неизвестный революционер поступает в лакеи к петербургскому чиновнику Орлову. Неизвестный готовит террористический акт, направленный против отца Орлова, крупного сановника. Но в ту минуту, когда революционер ближе всего к своей цели, когда жертва, за которой он охотился с таким упорством, в его руках, он ощущает, что идея, еще недавно наполнявшая всю его жизнь, в нем уже умерла. «Я торопил себя и сжимал кулаки, стараясь выдавить из своей души хотя каплю прежней ненависти,

я вспоминал, каким страстным, упрямым и неутомимым врагом я был еще так недавно». В сознании неизвестного возникают мелкие, ненужные, дешевые мысли о бренности всего земного, о скорой смерти. «Нельзя уже было сомневаться, во мне произошла перемена, я стал другим» — говорит о себе вчерашний революционер.

В «Рассказе неизвестного человека» повторяется почти дословно трагическая сцена, знакомая нам по «Скучной истории». Женщина, которую в глубине души любит неизвестный, обращается к нему с вопросом: что ей делать? Она просит дать ответ по совести. Но неизвестный уже ничего не может ответить ей. Его речи о милосердии, о всепрощении, о любви к ближнему звучат неискренне, фальшиво, это подчеркивает Чехов. Он не скрывает, что одна лишь «жажда обыкновенной обывательской жизни» движет всем поведением банкрота.

Тема крушения, распада, измены — одна из центральных тем, которая проходит через все творчество Чехова. Он варьирует ее на разные лады в пьесах и прозе, в плане комедийном и трагическом.

V

Сурово и мужественно воплощал в творчестве Чехов свой печальный опыт, свои наблюдения. Ничто не ускользало от его внимания: суд, земство, театр — самые различные стороны общественной жизни становились объектом его творчества. Ничем не обольщая себя, он всюду видел зло, безнадежность, торжество грубой силы над разумом, пошлости над красотой. «Вместо знаний — нахальство и самонение, вместо труда — лень и свинство. Справедливости нет; понятие о чести не идет дальше чести мундира» — это была характеристика, которую дал Чехов своим согражданам. Он знал, что живет в стране, «где тесно и скверно и мало надежды на лучшие времена». Не случайно своих мудрецов нашел он в сумасшедшем доме — в палате № 6 — и безумцы оказались лучше, чище, справедливее людей здравого смысла.

Не нам искать ответа у Чехова на поставленные им вопросы. Они уже решены историей. Мир Чехова рухнул. И для нас автор «Палаты № 6» и «Черного монаха» — замечательный художник-реалист, запечатлевший бесстрастно и правдиво одну из самых безнадежных страниц русской истории. Он дал замечательную картину застоя и торжества реакции, он воплотил в своем творчестве неверие и печаль молодой, но уже бескрылой буржуазной интеллигенции.

Современники Чехова, поверженные в отчаяние картинами изображенной им действительности, приходили к нему и спрашивали — что же делать? Тогда разыгрывалась сцена, подобная той, которую описал Чехов в «Скучной истории»: он и сам не знал, что ответить вопрошающим, ибо и у него самого не было ясного и точного ответа на поставленный вопрос.

— Помилуйте, что это такое? Полнейший индифферентист ваш хваленый Чехов. Скажите, пожалуйста, к какому направлению Чехов принадлежит? Какому богу молится, какому делу служит? — закидывали в восьмидесятых, девяностых годах вопросами читателей и поклонников Чехова. И тут же отвечали: никакому.

Что же делала современная Чехову критика, как руководила она писателем, как растолковывала она обществу содержание, значение его творчества?

Скабичевский, познакомившись с первой книгой Чехова, назвал его клоуном и пророчил ему смерть под забором от алкоголя. Михайловский уже в первом письме к Чехову писал о бесцельности его творчества, сравнивал его творчество с прогулкой по дороге, «не знамо куда, не знамо зачем». И попутно Михайловский говорит об отрывочности, об увлечении малой формой, не понимая значения Чехова как новатора, как творца импрессионистской прозы.

В своих статьях Михайловский писал, что он не знает зрителя, более печаль-

ного, чем талант Чехова, «даром пропадающий»: «Чехов и сам не живет в своих произведениях, а так себе гуляет между жизнью и, гуляючи, ухватит то одно, то другое. Почему именно это, а не то, почему то, а не другое? Выбор тем Чехова поражает случайностью. Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает... При всей своей талантливости Чехов не писатель, самостоятельно разбирающийся в своем материале и сортирующий его с точки зрения какой-нибудь общей идеи, а какой-то почти механический аппарат» — писал Михайловский.

Достаточно познакомиться хотя бы с этими оценками и сравнить их с критическими образцами великих просветителей — Добролюбова, Чернышевского — для того, чтобы понять всю глубину падения народнической критики. Добролюбов знал, что «художественное произведение может быть выражением известной идеи не потому, что автор задался этой идеей при его создании, а потому, что автора его поразили такие факты действительности, из которых эта идея вытекает сама собой».

Но вместо того, чтобы раскрыть объективное, конкретно-историческое содержание творчества Чехова, Михайловский требовал от писателя высказываний в духе представляемого им направления. И потому одно из самых замечательных произведений Чехова — «Палату № 6» — он встретил все той же брюзгливой воркотней. По поводу «Палаты № 6» Михайловский писал:

«Высоко ценя большой талант Чехова, я думаю, что если бы он расстался со своим безразличием и безучастием, русская литература имела бы в его лице не только большого талант, но и большого писателя».

Михайловским руководили конечно самые лучшие намерения. Он наставлял Чехова, полагая, что все дело в его доброй воле и что достаточно ему, Чехову, притти в лагерь, возглавляемый Михайловским, и Чехов обзаведется наконец мировоззрением, столь нужным для его творчества. Он и не подозревал, что Чехов и без проповеди Михайлов-

ского прекрасно сознавал ту ущербность, которую приносит его творчеству отсутствию законченного и целостного мировоззрения. Переписка Чехова с Сувориным сберегла нам письмо, в котором Чехов с несравненно большей силой и яркостью, чем Михайловский в своих критических статьях, говорил о значении мировоззрения для художника. Чехов писал:

«Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными, или просто хорошими, и которые пьянят нас, имеют общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая не даром пришла и тревожила воображение. У одних, смотря по калибру, цели ближайшие — крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Дениса Давыдова, у других цели отдаленные — бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. Лучшие из них реальны и ищут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая она есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы ищем жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тпру, ни ну. Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником. Болезнь это или нет, дело не в названии, но сознаться надо, что положение наше хуже губернаторского».

Итак, Чехов и сам знал сущность недуга, одолевавшего его. Но в Михайловского не поверил и, несмотря на глубокое уважение, на выучку к нему не пошел. Почему? В замечательном рассказе Чехова «Хорошие люди» показан кристально-чистый интеллигент Владимир Семенович. Он критик. В художе-

ственном произведении он прежде всего ищет «симпатичную идею». Владимир Семенович полон самых лучших намерений, искренно верит в свою программу. Он один из тех интеллигентов либерально-народнического направления, которые воспитывались на книжках «Северного Вестника», на статьях Михайловского. Но Чехов видит в этом интеллигенте консерватора, который задерживает своим влиянием прогрессивное движение. Он говорит о том, что Владимир Семенович и его направление уже сходят с исторической сцены, что он топчется на одном месте, что все ценное из того старого хлама, в котором он роется, уже извлечено.

В этой оценке, меткой и верной, была огромная историческая заслуга Чехова. Насквозь изъеденный скептицизмом, Чехов чутьем художника разгадал однако реакционный характер позиций Михайловского. И, несмотря на огромный общественный вес Михайловского в те годы и на специальное уважение к нему, он прошел мимо его проповеди.

Случись иначе, мы имели бы еще одного беллетриста либерально-народнического направления, но мы потеряли бы художника, скептицизм которого сыграл несравненно большую роль в формировании революционного мировоззрения, чем проповеди тех, кто упрекал Чехова за его безразличие.

VI

Всю свою жизнь Чехов собирался написать роман. Большая форма была своего рода синей птицей, за которой упорно охотился художник. Но даже когда он извещал своих друзей о работе над романом, у него в конце-концов получался цикл рассказов, объединенных общими действующими лицами. Роман так и не удалось написать Чехову.

Было бы ошибкой объяснять эту неудачу только особенностями его литературного пути, техникой малой формы. Неудача коренилась несравненно глуб-

же. Особенности чеховского письма были тесно связаны с мироотношением художника. Признание неизменяемости окружающего мира, ощущение безысходности, отсутствие точного ответа на роковые вопросы предопределило и форму, и манеру его импрессионистической прозы. Роман — форма антагонистическая: наряду с отрицанием роман требует утверждений. Можно конечно представить себе роман, в котором не было бы ни одного положительного героя, но в таком случае автор обычно носит такого героя «в себе», точнее, ему ясен смысл его отрицания. Скептицизм Чехова не был абсолютным, в нем были отдельные просветы. Наряду с отрицанием он знал и некоторые утверждения. Старый профессор, пережив гибель своих идеалов, ощущив на склоне своих дней вокруг себя совершенную пустоту, видит все же в науке последнее убежище. «Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя». Но дело в том, что и эта вера в науку не была абсолютной у Чехова. Тот же профессор вносит поправку, что вера в науку наивна и несправедлива, хотя он и исповедует эту веру.

И все же, как ни скромны были эти положительные высказывания, их было достаточно для того, чтобы построить образ положительного героя. Не случайно фон-Корен из повести «Дуэль», ученый зоолог, — единственный положительный герой, пусть недостаточно яркий и односторонний, которого мы находим в творчестве Чехова. Он фанатик науки, он работает на Черном море, хотя и знает, что это море самое неблагоприятное для научных изысканий. В рассказе «Попрыгунья» скромный труженик доктор Дымов противостоит толпе тунеядцев и болтунов. Образ доктора Дымова, погибающего самоотверженно в борьбе с дифтеритом, очерченный скупой, несколькими штрихами, — один из самых замечательных и ярких по выразительности образов в творчестве Чехо-

ва. И сквозь тонкую иронию повести «Жена» все же сквозит любовь к доктору Соболю, который мечется среди нищих деревень, отдавая все свое время борьбе с голодом.

Среди бессильных, азиатски ленивых героев на этих тружениках останавливался с некоторой надеждой скептический взор Чехова. Эти люди были носителями той науки, в которой Чехов видел единственное спасение. Просветительство, культуртрегерство, медленное, постепенное улучшение окружающего мира, — это было верой Чехова.

И, полубольной, он скакал по отвратительным дорогам на остров Сахалин, переписывал его обитателей. В холерные годы он не вылезал из тарантаса, заведывая огромным участком, куда входили двадцать пять деревень. Строил школы, заботился о просвещении, лечил крестьян, отдаваясь этой работе до самозабвения. Эта работа обогащала его творчество. Сколько любопытных сюжетов нашел он во время своих разъездов по округе, сколько подслушал острых, неповторимых слов!

Некоторые критики всемерно подчеркивали преклонение Чехова перед наукой, его просветительскую деятельность, пытаются представить Чехова идеологом полнокровного буржуазного прогресса. И тем самым приходят к отрицанию всего его творчества. Чехов умер накануне первой революции и в творчестве своем отразил мировоззрение буржуазной интеллигенции, сформировавшейся в восьмидесятые годы, ее глубокий скептицизм, ее робкие упования на лучшие времена. Правда, в последний период жизни Чехова взгляды его приняли более четкий характер. Однако и разрыв Чехова с Сувориным, и его высказывания по поводу дела Дрейфуса были продиктованы соображениями гуманистического порядка и ни в какой мере не позволяют нам сделать выводы о решительном переломе в миропонимании Чехова. Хотя бы уже потому, что рядом с этими высказываниями мы находим немало других, которые при желании позволяют построить диаметрально противоположные выводы. Сила Чехова была в его отрицании самодержавной, поме-

щичьей, кулацкой, купеческой России, в его критике либерально-народнической интеллигенции. Он обнажал ее дряблость, реакционность, историческое умирание, — в этом великая заслуга Чехова. Но всякая попытка показать Чехова выразителем, и к тому же законченным, буржуазного прогресса, обречена на неудачу. Чехов был и остается типичным восьмидесятником, вскормленным мрачной и реакционной эпохой.

Чему же может учиться у Чехова художник бесклассового социалистического общества?

Прежде всего для нас представляет огромный интерес самый метод работы Чехова, сущность которого заключалась в неразрывной связи с действительностью. Не случайно он видел в боязни жизни один из самых ужасных пороков азиатчины. Только непосредственно участвуя в самой действительности, художник может творить. Эта простейшая истина подтверждается всем творческим опытом Чехова. Нужно ли говорить о том, что наша действительность создала для художника неограниченные возможности непосредственного участия в творческой жизни.

Заслуживает самого пристального изучения интерес Чехова к мельчайшим, молекулярным явлениям бытия. Чеховская новелла была самым тесным образом связана с этой стороной чеховского метода, с его вниманием к простейшим процессам действительности, с его умением обобщить их, поднять до высоты большой проблемы. Всего лишь не-

сколько страниц в рассказе «Беда». Но Чехов сумел в нем рассказать с огромной силой об азиатской отсталости, невежественности русского купечества. Купец Авдеев, член ревизионной комиссии банка, подписывавший, не читая, отчеты, пользовавшийся общественными средствами вместе с другими членами правления, до последней минуты не понимает сущности предъявленного ему обвинения. И только на свидании с родными в тюрьме, увидев на сыне вместо гимназического мундира потертый пиджак и сарпигиновые панталоны, он наконец понял, что судьба его решена, что он вычеркнут из числа членов общества. Необычайный лаконизм чеховского языка, простота его образов, несложность и выразительность описаний, умение раскрыть во всей глубине внутренний мир человека — все эти черты чеховского письма еще долго будут объектом самого пристального изучения.

Ни одного утверждения не воплотил в своем творчестве этот замечательный и печальный художник. Но каждая его строка была пропитана тонким ядом, опасным для всяческой пошлости, сытой самовлюбленности, самоуспокоенности. Чудовища, с которыми воевал всю свою жизнь Чехов, добыты еще не до конца. Они будут жить до тех пор, покуда не будут выкорчеваны пережитки капитализма не только в бытии, но и в сознании людей. Потому в эти дни, напоенные величавым трудом и героическим дерзанием, мы снова вспоминаем о художнике, так остро осмеивавшем тусклый мир бескрылого и пошлого мещанства.